

САБИНЕ ЛЮДВИГ · САБИНЕ ВИЛЬХАРМ

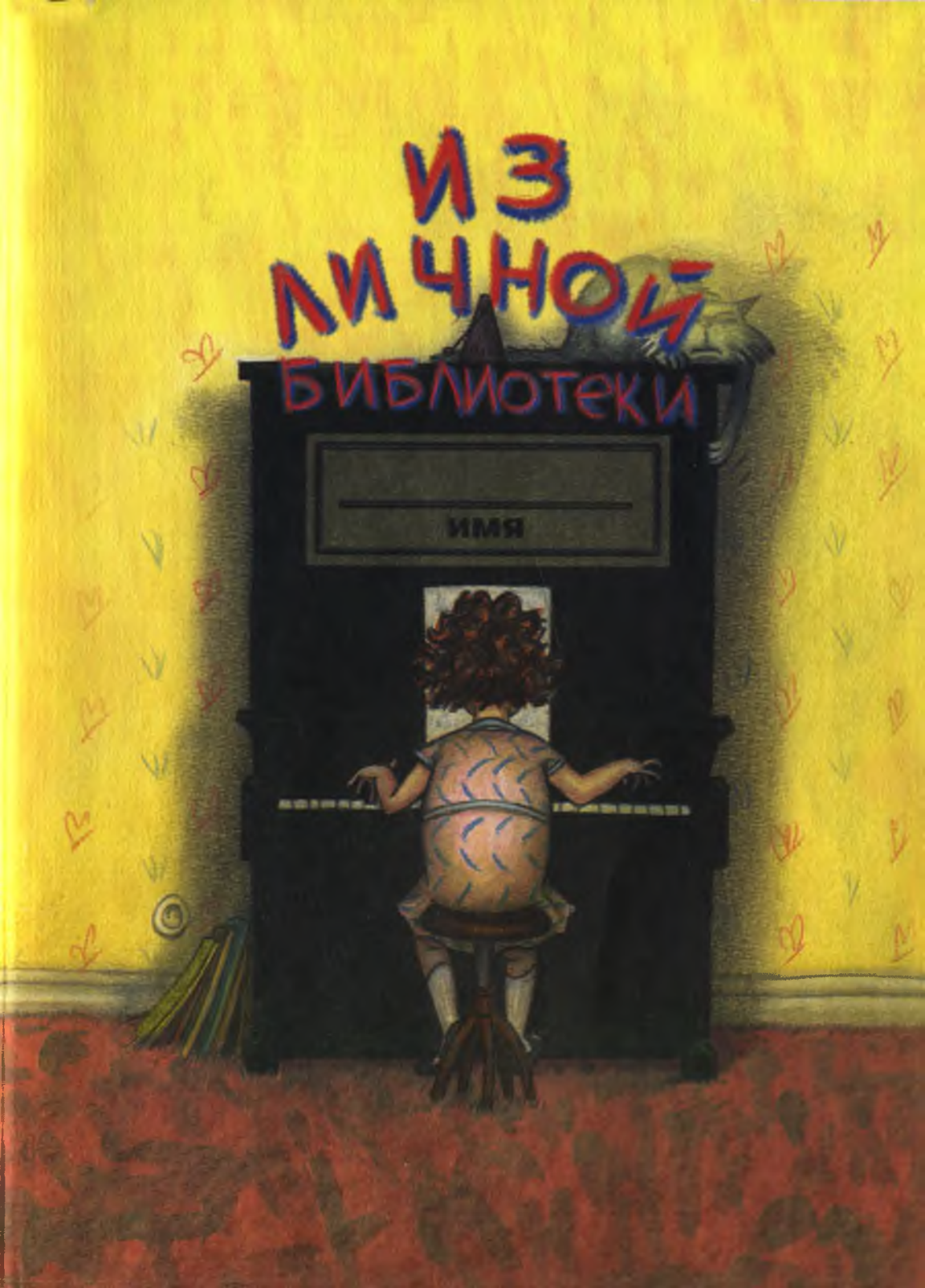
МОПС И МОЛЛИ МЕНДЕЛЬСОН

ИЗ
ЛИЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ

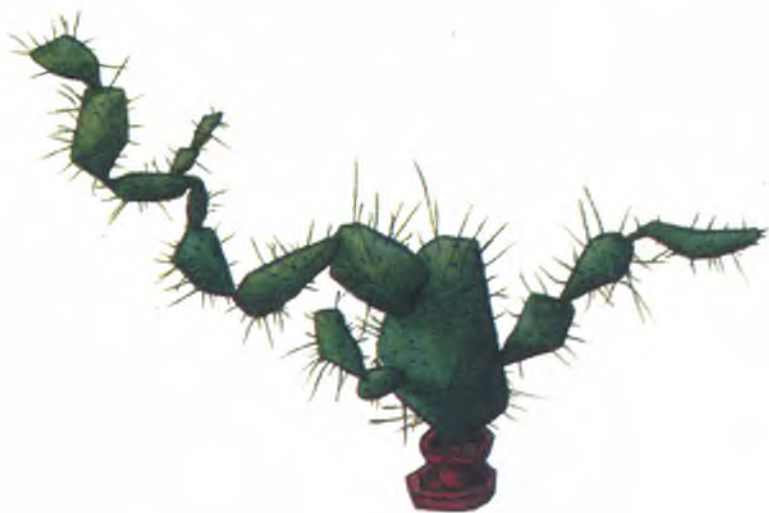
ИМЯ

**ОЧЕНЬ
ПРИКОЛЬНАЯ
КНИГА**

Книга выходит в рамках проекта
ШАГИ/SCHRITTE,
представляющего современную литературу
Швейцарии, Австрии, Германии,
по инициативе Фонда С. Фишера при поддержке
Уполномоченного Федеративного правительства
по делам культуры и средств массовой информации
Государственного министра
Федеративной Республики Германия
на средства
Фонда культуры
Федеративной Республики Германия
и Фонда С. Фишера.

САБИНЕ ЛЮДВИГ САБИНЕ ВИЛЬХАРМ

МОПС И МОЛЛИ МЕНДЕЛЬСОН

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-Классика»

2004

УДК 82-93
ББК 84.4Г
Л 93

Sabine Ludwig, Sabine Wilharm
MOPS UND MOLLY MENDELSSOHN
Originalausgabe erschien 2000 unter dem Titel
»Mops und Molly Mendelssohn«
beim des Cecilie Dressler Verlages Hamburg

© Cecilie Dressler Verlag, Hamburg 2000

Перевод на русский язык:
S. Fischer Stiftung Hamburg 2004

Перевод с немецкого Екатерины Ботовой
Формление переплета Дмитрия Тимохина

ISBN 5-352-00341-8

© «Азбука-классика», 2004

КТО Я ТАКОЙ

История, которую я вам сейчас расскажу, началась в пятницу, точнее, в пятницу, тринадцатого. Несчастливый это день, по мнению некоторых людей. Но я так не считаю, потому что, к счастью, не человек и не верю во всякие глупости. Ну, разве что черная кошка перебежит мне дорогу, тогда я чувую недоброе. Кошки — главные разносчики неприятностей и раздоров, и при этом все равно, какого цвета у них шкурка — черная, зеленая в клеточку — или, скажем, белая...

Но прежде чем я начну рассказывать, следует представиться. Меня зовут Бобикус фон дер Доннерсмарк. Я голубых кровей, из древнего рода собак. Если быть точным, из семейства мопсов. А если еще точнее: я Антошкин мопс. Уже четыре года, мне как раз столько исполнилось на днях.

Антошке семь лет, еще щенок по человеческим законам, а я, по нашим, собачьим, молодой джентльмен в самом расцвете сил.

Но вернемся к моей, нет, к нашей истории, поскольку Антошки она касается едва ли не больше, чем меня.

В эту самую пятницу, тринадцатого, сперва не происходило ничего примечательного. Разве что у Антошки начались летние каникулы, так что день был расчудесный. Антошка считает, что школа такая... н-да... такая гадость. И единственное,

что в ней есть приятного, — каникулы, так она и говорит.

Кто так говорит? Антошка, конечно. Вовсе она не мальчик. Антошка — это девочка, ее полное имя — Антонина. Но оно кажется ей дурацким, а имя Тоня — еще более дурацким, так что все должны звать ее Антошкой. У Антошки — коротенькие светлые волосы, россыпь веснушек, разбитые коленки, и она терпеть не может платья.

Ее папа — профессор Фридеманн. О том, что у него есть имя — Карлхайнц, я узнал недавно —

и не от Антошки. Она-то зовет своего папу только папой — или, если ей от него что-то нужно, — профессором.

Волос на голове у профессора осталось мало, значит, он уже очень старый и, как многие старые люди, забывчивый, в то время как у пожилых собак память работает отлично. Например, он часто забывает дать мне кусочек от своей плитки черного шоколада. А летом, когда и случилась эта история, он позабыл рассказать Антошке об одной важной вещи. Я-то, конечно, был осведомлен обо всем. От меня у профессора тайн нет.

И Антошка мне тоже доверяет. Рассказывает, что было в школе, с кем она разругалась, а с кем снова помирилась, а иной раз вечером, когда я приду пожелать ей спокойной ночи, берет меня на руки и плачет. Тогда, я знаю, она вспоминает свою маму, которая уже давно умерла. От нее осталась только фотография в серебряной рамке на камине. На ней женщина с коротенькими светлыми волосами и россыпью веснушек. Антошка на нее очень похожа. В маленькую вазочку, которая стоит возле фотографии, Антошка каждые три дня ставит свежие цветы из сада.

А еще от Антошкиной мамы осталась Куколка. Единственная кукла, которая есть у Антошки. Она особенная, такую в магазине не купишь. Ее сделала мама Антошки, когда та была еще совсем маленькой. Сшила из множества пестрых тряпо-

чек, к головке прикрепил светлые волосики
из шерстяных ниток, смеющийся рот она
вышила и россыпь коричневых
точек на мордашке — тоже.
Без Куколки Антошка
не засыпает.

«Это не кукла, а комок грязного тряпья, и нечего тащить его в кровать!» — так всегда орала Злючка, брезгливо держа Куколку двумя вытянутыми пальцами.

Про Злючку я еще, наверное, не упоминал?

Это потому, что она у нас больше не живет. Когда я думаю о ней, вспоминается только красный,

вечно хлюпающий нос. Но, справедливости ради, надо отметить, что именно с нее все и началось.

Дело в том, что профессор не только несколько забывчив, еще ему всегда не хватает времени, особенно для Антошки. Время он находит исключительно для своих книг. Он их читает, а когда начинается вдоволь, то и сам, бывает, напишет книжку-другую. Говорят, это очень важная и чрезвычайно трудная работа. Так мне Антошка объяснила, когда однажды разразился крупный скандал из-за того, что я погрыз одну из его рукописей.

Но это уже давно было, теперь я и сам знаю, что профессору нельзя мешать, когда он сидит в своем кабинете и что-нибудь читает или пишет. И поскольку он занимается этим почти всегда, мешать ему нельзя никогда.

Вот для того, чтобы будить Антошку по утрам, отвозить ее в школу и следить, чтобы за обедом она все съедала, и наняли Злючку.

Собственно говоря, Злючкина фамилия была Злучка, госпожа Злучка. Но Антошка всегда называла ее Злючкой, отчего та суживала глаза и нос у нее еще больше краснел. Когда однажды профессор по рассеянности тоже назвал ее Злючкой, она вытянула губы трубочкой и пропела сладким голоском: «Злучка, дорогой профессор, Злучка как тучка».

Мы живем на Парковой аллее, в доме номер девятнадцать. Дом небольшой, но там есть место для

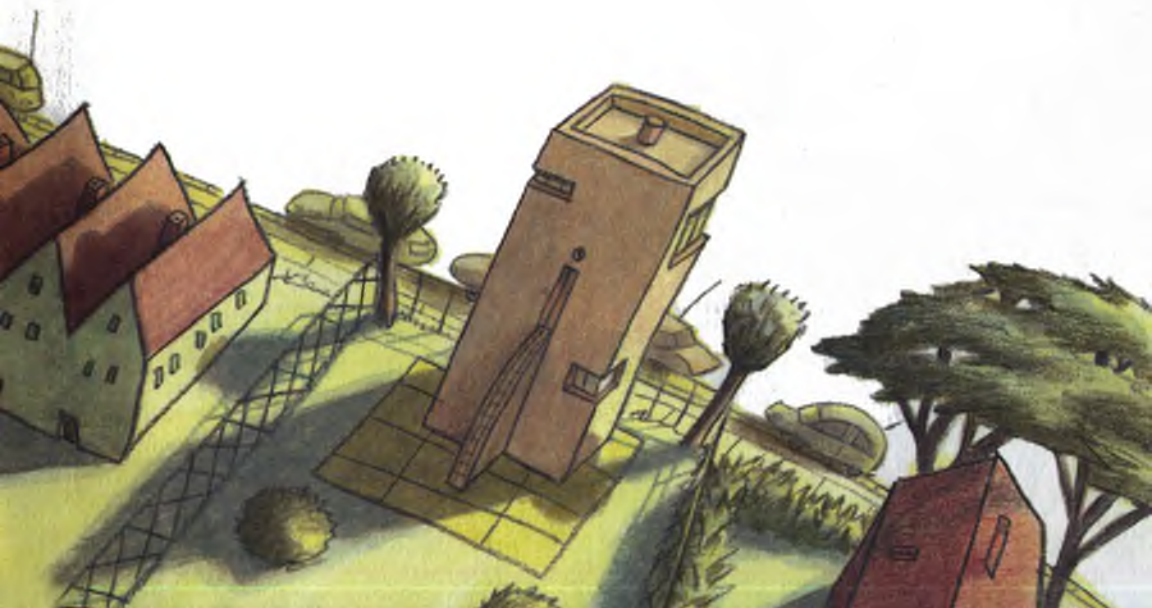
мягкого дивана и кресла-качалки перед камином. Много ли мне надо для счастья.

И Злючке тогда, когда вся история только начиналась, нашлось местечко, в комнатке под самой крышей, но она, разумеется, не считалась членом

нашей семьи. Хотя именно этого ей, наверное, страшно хотелось. Во всяком случае, она всегда таращила глаза и рот у нее перекашивался в улыбку, когда она видела профессора. И с Антошкой она тогда была куда добрее, чем обычно, гладила ее по голове и ощипывала воображаемые катышки с ее свитера, хотя ощипывать было нечего. Потом вздыхала и говорила: «Ох ты бедная сиротка».

«Я не бедная! — кричала тогда Антонина. — У меня есть Мопс!» Мопс! К тому времени я уже привык, что меня называют не моим настоящим именем. Когда профессор принес меня домой четыре года назад и Антонина услышала, как меня зовут, она сказала: «Какая ерунда. Я придумаю ему другое имя, а пока буду звать мопса просто Мопс». Так все и осталось, и, честно говоря, я этому рад. Кто знает, что за имя придумала бы Антошка. Еще назвала бы Шариком или Навуходоносором.

ТЕНЬ ЗЛОВЕЩЕЙ УГРОЗЫ НЕУМОЛИМО НАДВИГАЕТСЯ

Но вернемся к пятнице, тринадцатому.

— Антонина! Возьми собаку на поводок! — крикнула Злючка, и ровно в три мы, как всегда, отправились на часок в парк, погулять.

Злючка в этот день шмыгала носом сильнее, чем обычно. Она постоянно сморкалась в свой носовой платок. Как раз в тот момент, когда я собирался обнюхать одну интересно пахнущую кучку у фонарного столба, поводок изо всей силы дернули.

— Фу, Мопс! Не смей! — фыркнула Злючка, а Антошке прочирикала самым сладким своим голоском: — Антонина, дорогая моя девочка, а знаешь ли ты, куда твой отец ходит по пятницам вечером?

Антошка пожала плечами:

— Папа выгуливает Мопса, он считает, иначе пес разжиреет!

Ну, вот с этим я не согласен! Я, конечно, крепкого телосложения, но уж никак не толстый и тем более не жирный!

Злючка остановилась возле кафе «У парка» и купила Антошке лимонное мороженое. Такого с ней еще никогда не случалось.

— В нем не так много сахара, — сообщила она и сунула изумленной Антошке в руку вафельный стаканчик. Про меня она, конечно, не вспомнила, но вон там, возле мусорного ведра, кажется, валяется очень аппетитная шкурка от колбаски...

— Антонина, не хочу тебя пугать, но боюсь, боюсь... — И Злючка озабоченно покачала головой.

— А что такое? — спросила Антошка, еле раскрывая рот. Наверное, мороженое было очень кислым.

— Дорогое дитя, ты очень ошибаешься, твой отец не только выгуливает собаку. — Злючка тяжело вздохнула. — Он каждую пятницу встречается здесь, в этом кафе с... с женщиной!

Я, конечно, давно об этом знал, как я уже говорил, у профессора не было от меня тайн. Мне показалось, и Антошка тоже не особенно удивилась.

— Ну и что? — просто сказала она и продолжала лизать свое мороженое.

— Ты что, не понимаешь, Антонина? — Злючка потрясла Антошку за плечо. — Ты, может, не сегодня завтра обзаведешься новой матерью!

Лимонное мороженое упало прямо в грязь. Меня это ни капельки не заинтересовало, от мороженого у меня живот болит.

— Новой матерью?

— Вот именно. И не только, мне тут рассказали, что у этой... особы есть дочурка, гадкая-прегадная девчонка, та еще штучка. Она станет твоей сестрой.

— Ни за что! — закричала Антошка, схватила меня за поводок и понеслась прочь, на детскую площадку. Лапы у меня коротковаты, что верно, то верно, так что мне несладко приходилось, я за ней еле поспевал.

На площадке Антошка уселась на качели и начала раскачиваться так высоко, что мне от одного этого зрелища стало плохо. Злючка стояла рядом, довольно ухмыляясь, и, когда Антошка пролетала мимо, каждый раз подталкивала качели еще выше.

Мне это совсем не понравилось, даже расхотелось рыться в песочнице. Конечно, собакам так делать не рекомендуется, но я все-таки время от времени не могу отказать себе в этом удовольствии.

По пути домой Антошка пинала каждый камушек, каждую банку, все, что лежало на тротуаре. Она так всегда делает, когда ужасно злится.

За ужином никто не проронил ни слова. Профессор этого даже не заметил, потому что он и за едой читает одну из своих книжищ, так что пару

раз он уже помешивал
ложечкой в сахарнице, думая,
что это его кофейная чашечка.
Ровно без четверти девять — я уже
ждал возле двери — он взял меня
на поводок.

— Можно мне с тобой, папочка? —
Перед нами вдруг появилась Антошка.
Профессор смутился:

— Уже поздно, разве тебе не пора спать?

— Папа, сейчас каникулы, — заметила
Антошка.

— Да-да, верно. Но, видишь ли, у меня важная деловая встреча.

— В кафе возле парка, да? — зло спросила Антошка.

Где-то рядом послышалось шмыганье носом, а потом быстрые шаги — Злючка покинула поле боя и затаилась в своей комнатке под крышей.

Профессор задумчиво потер переносицу.

— Антонина, ангел мой, — сказал он, — обещаю, это будет чудесный сюрприз, но больше я тебе пока сказать не могу. Потерпи еще немножко, ладно? — Он склонился к Антошке и поцеловал ее. Такое редко случается, и, прежде чем Антошка опомнилась, он уже открыл дверь и потянул меня за собой, в теплый летний вечер.

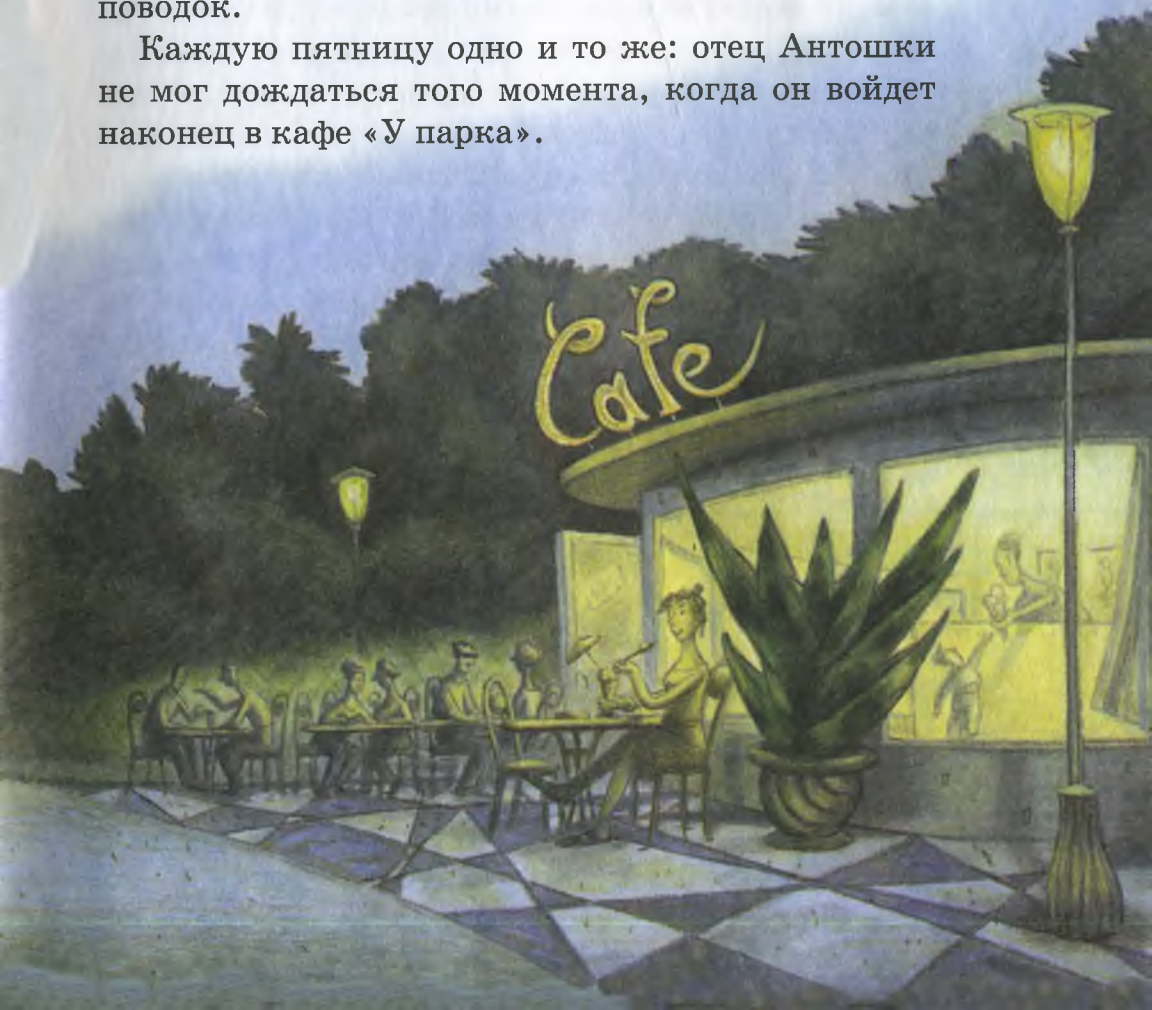
Это был действительно особенно приятный летний вечер в пятницу, тринадцатого. Солнце еще не зашло, оно висело золотисто-багровым блином

над верхушками елей. Весело насвистывая, профессор быстрым шагом спускался по Парковой аллее.

— Вот только не надо останавливаться у каждого дерева, Мопс! — нетерпеливо закричал он, когда я задержался, чтобы разнюхать как следует, кому принадлежит большая лужица... Конечно, Рандольфу, этому мускулистому задаваке — ротвейлеру из дома номер семнадцать... — Мопс! — Профессор, еле сдерживаясь, дергал мой поводок.

Каждую пятницу одно и то же: отец Антошки не мог дожждаться того момента, когда он войдет наконец в кафе «У парка».

А там, за маленьким столиком в углу уже сидела «особа», как назвала ее Злючка. Мне-то она как раз очень нравилась, потому что всегда приветливо здоровалась со мной и ласково трепала мою шелковистую шкурку.

Она и в этот вечер сделала так же, после чего я растянулся под столом, на холодном каменном полу.

И все-таки лучше бы я сидел, как всегда, на Антошкиной кровати и слушал вместе с ней какую-нибудь сказку в исполнении Злючки. Хотя ее чтение и не было таким уж удовольствием — она без конца прерывалась, чтобы прочистить нос, — все же сказки куда интереснее разговоров профессора и особы каждую пятницу в этом кафе. Если они, конечно, вообще разговаривали! Чаще всего они вздыхали и жали друг другу руки под столом. Обычно я засыпал уже через несколько минут, но в этот вечер не дал себе сомкнуть глаз ни на секунду. Я хотел послушать, правда ли то, что утверждала Злючка.

— Ну тогда переезжайте ко мне, — как раз говорил в этот момент профессор. — Дом, правда, невелик, но места все-таки побольше, чем в вашей квартире, и потом, у нас есть сад...

— Ах, Карлхайнц, это было бы очень хорошо для Шарлотты. И ей бы не пришлось расставаться с Молли.

Шарлотта? Молли? Но ведь Злючка угрожала Антошке только *одной* новой сестрой?

— Но что скажет твоя дочь? — услышал я вопрос особы.

— Не волнуйся. Антонина только обрадуется, будет с кем поиграть. А от Молли она вообще придет в полный восторг, она любит...

Тут профессор замолчал, потому что к столу подошел официант. Я рассматривал его брюки с отглаженной стрелкой и уже подумывал, как хорошо было бы слегка укусить его за брючину. Так вышло, что я пропустил мимо ушей очень важную часть их разговора, а когда спохватился, то услышал только звон бокалов и как профессор сказал:

— За нашу будущую совместную жизнь, Элизабет! — А потом они опять взялись за свое: охи-вздохи и рукопожатия.

Но я, во всяком случае, теперь знал, что особу зовут Элизабет, а ее дочь Шарлоттой. Однако кто же, ради всего святого, была эта Молли?

ЗЛЮЧКА УХОДИТ

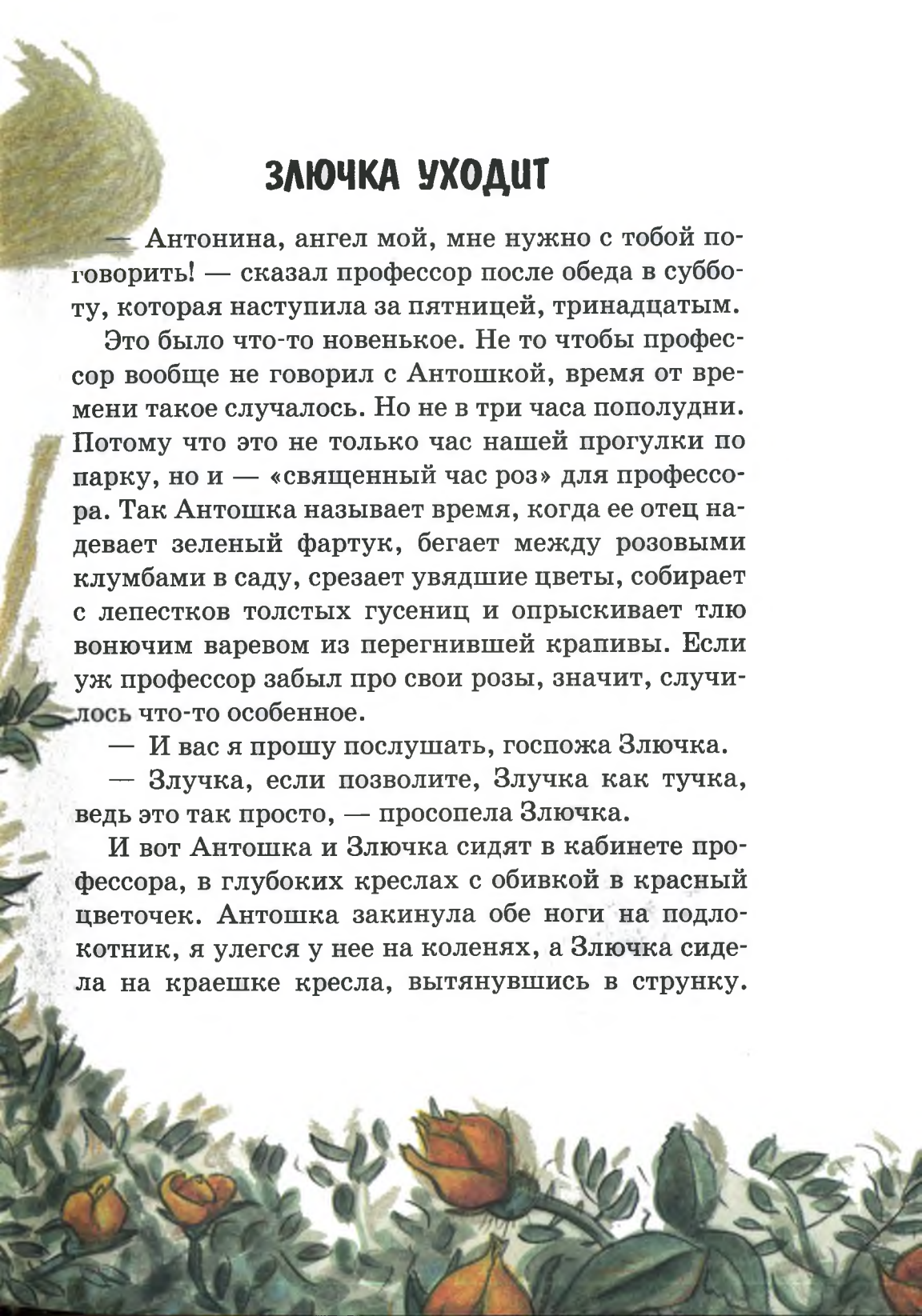
— Антонина, ангел мой, мне нужно с тобой поговорить! — сказал профессор после обеда в субботу, которая наступила за пятницей, тринадцатым.

Это было что-то новенькое. Не то чтобы профессор вообще не говорил с Антошкой, время от времени такое случалось. Но не в три часа пополудни. Потому что это не только час нашей прогулки по парку, но и — «священный час роз» для профессора. Так Антошка называет время, когда ее отец надевает зеленый фартук, бежит между розовыми клумбами в саду, срезает увядшие цветы, собирает с лепестков толстых гусениц и опрыскивает тлю вонючим варевом из перегнившей крапивы. Если уж профессор забыл про свои розы, значит, случилось что-то особенное.

— И вас я прошу послушать, госпожа Злючка.

— Злучка, если позволите, Злучка как тучка, ведь это так просто, — просопела Злючка.

И вот Антошка и Злючка сидят в кабинете профессора, в глубоких креслах с обивкой в красный цветочек. Антошка закинула обе ноги на подлокотник, я улегся у нее на коленях, а Злючка сидела на краешке кресла, вытянувшись в струнку.

Профессор не стал садиться, он расхаживал по комнате взад и вперед и, наконец, откашлялся.

— Так вот, дело заключается в следующем...

Злючка достала из кармана носовой платок.

— Я хочу сообщить вам о важных изменениях в моей жизни...

Некоторое время профессор не мог говорить дальше, потому что Злючка начала громко сморкаться.

— В общем, я намерен снова жениться! — Профессор наконец опустил в кресло, Злючка вскочила как ошпаренная, платок спланировал на пол, а Антошка от испуга ущипнула меня за брюшко.

А вот этого я как раз терпеть не могу, поэтому я тоже подпрыгнул и свалился прямо под ноги Злючке.

— Какое безобразие! — пробулькала она. Но, пожалуй, она имела в виду не столько меня, сколько тот факт, что профессор женится, и, очевидно, не на ней.

— Но, любезная госпожа Злючка, то есть Злучка, я хотел сказать, — попробовал утешить ее профессор, — вашего места в моем доме это абсолютно не касается. Напротив: в дальнейшем мы поручим вам присматривать за двумя детьми.

У моей будущей жены есть дочка, такого же возраста, как Антонина...

Теперь и Антошка вскочила как укушенная, и единственным, кто еще сидел, оказался профессор

— Не хочу я новую мать! — кричала Антошка. — А уж какую-то там сестру и подавно!

— Да успокойся же, Антонина, ангел мой, вот увидишь, Элизабет и Шарлотта тебе очень понравятся.

Элизабет и Шарлотта... О некоей Молли он даже не заикнулся, вот что было странно.

— Скоро они переедут к нам, — продолжал профессор.

— Ни на минуту больше не останусь в этом доме! — просопела Злючка. — Жаль мне тебя, Антонина. — С этими словами она прогромыхала к выходу.

Думаю, потеря Злючки не особенно расстроила Антошку, во всяком случае, она даже не посмотрела ей вслед. Смотрела она только на своего отца, и притом не особенно приветливо.

— Может, она еще будет жить в моей комнате? — спросила она и побелела как снег, так что даже веснушки исчезли.

Профессор взглянул на дверь и вздохнул:

— Теперь уже нет, раз от нас ушла Злучка.

— Злючка, неужели так уж трудно запомнить, Злючка как... тьфу ты, с вами с ума сойти можно! — слышался голос из прихожей, а потом хлопнула дверь.

— Ну вот мы и отделались от нее! — сказал профессор, и Антошка рассмеялась. Она подошла к своему папе и уселась к нему на колени.

— Разве ты не можешь еще раз все взвесить, профессор? — попросила Антошка. — Ну хотя бы эти каникулы можем мы побыть наедине, ты, я и Мопс.

Антошка умела быть очень ласковой, очень, если ей чего-то хотелось.

— Но послушай, Антонина, как раз теперь, когда Злючка ушла, будет лучше, если Элизабет и Шарлотта переедут к нам. В конце концов, тебя нельзя оставлять без присмотра на целый день. А мне нужно работать.

Антошка ударила своего отца кулаком в живот.

Антошка очень хорошо умела злиться, очень, если ей что-то не нравилось.

— Да я отлично могу обойтись без всякого при-
смотра! Кроме того, со мной Мопс, он за мной при-
смотрит! — кричала в бешенстве Антошка.

Конечно, мне польстили ее слова. И хотя я не
какая-нибудь дворовая сторожевая собака, но
пусть только сунется кто-нибудь к Антошке, тогда
уж... И, чтобы в этом не сомневались, я зарычал,
негромко, но вполне отчетливо.

— Вот видишь, Мопс тоже не хочет, чтобы к
нам кто-нибудь переезжал! — обрадовалась Ан-
тошка.

Профессор мрачно посмотрел на меня, но затем
его лицо прояснилось:

— Может, ты изменишь свое мнение, ангел
мой, когда узнаешь, что Шарлотта привезет с со-
бой кошку по имени Молли Винделькрон или что-
то вроде того.

Теперь пришла моя очередь возмущенно выбе-
жать в дверь. Не может этого быть! Кошка! Кошка
в моем доме!

Ненавижу кошек. Кошки — мерзкие твари; они
коварные и подлые — и вообще, ни одна порядоч-
ная собака, тем более благородный пес вроде меня,
не станет водиться с кошачьим отродьем!

Я отправился в прихожую, в свою корзинку,
в которой лежу только тогда, когда меня обидят,

и решил поразмыслить о случившемся в покое. При том шуме, который теперь устроили Антошка со своим отцом, это было бы, конечно, невозможно.

— Ты хотя бы познакомься с Элизабет и Шарлоттой! — кричал профессор. — Большого я от тебя не требую.

— Не желаю я знакомиться ни с ними, ни с их дурацкой кошкой! — крикнула Антошка и, выбежав из комнаты, пронеслась мимо меня вверх по лестнице.

Значит, Антошка тоже не любила кошек, так же, как и чужих девочек, которые вот так вот, ни с того ни с сего захотели переехать в наш дом. Антошка наверняка что-нибудь придумает, и, успокоенный этой мыслью, я уснул. Но если обычно я вижу очень приятные сны о длинных аллеях, на которых деревья приветливо машут мне своими ветвями из толстых сосисок, то в эту ночь в кронах этих деревьев сидели, издевательски хихикая, мерзкие кошки и забрасывали меня холодными шариками лимонного мороженого.

ОГУРЦЫ, СЕЛЕДКА, САЛО ОЗНАЧАЮТ БЕД НЕМАЛО

Следующее утро выглядело сперва чрезвычайно завлекательно. Солнце светило прямо в окна Антошкиной комнаты, и звонили колокола. Было воскресенье. Я лежал у Антошки в ногах, потому что в изголовье уже лежала Куколка. Если бы это увидела Злючка! Но она была далеко, и я мог бы дремать так еще целую вечность, как вдруг Антошка выпрыгнула из кровати и, не умываясь, натянула рубашку и штаны.

— Вставай, Мопс! Я хочу есть! — крикнула она, а я не заставляю себя долго упрашивать, когда речь заходит о еде. Мы сбежали вниз, на кухню, а там, на удивление, уже был накрыт стол. И что же там имелось? Банка соленых огурцов, селедка в соусе, плавленый сырок и толстый кусок ливерной колбасы.

Профессор как раз откусил большой кусок хлеба с салом.

— Наконец-то можно съесть на завтрак что-то приличное, у этой Злючки вечно наготове были только мюсли и диетический творог, — сказал он, жуя.

Я залаял в поддержку. Злючка была вегетарианкой, и если бы все шло по ней, так я бы тоже ел семечки вместо мяса.

Антошка, уперев руки в боки, скорчила кислую рожицу:

— Ненавижу соленые огурцы, я хочу булочку со смородиновым вареньем и шоколадные хлопья с сахаром и молоком.

Профессор пожал плечами:

— Прости, Антонина, ангел мой, но, может быть, попробуешь все-таки кусочек селедки?

Антошка от отвращения скривилась, а я тихо-нечко стал пробираться к краю стола, где лежала колбаса.

— Когда Элизабет к нам переедет, ты получишь на завтрак все что ни пожелаешь, обещаю тебе. — Профессор выловил на зубчике вилки еще один огурец и не заметил, что Антошка скривилась еще сильнее. — Мы собирались сегодня пойти в кафе у парка, съедим все вместе по порции мороженого, — сказал он затем. — Ну, как тебе эта идея?

Антошка заглотнула побольше воздуха.

— Не хочу есть с ними мороженое, не хочу их вообще видеть! — крикнула она и выбежала из кухни.

— Антонина, будь умницей... — Профессор встал и пошел за ней.

Хотя мне следовало бы быть рядом с Антошкой, я вскочил на стул, чтобы получше рассмотреть колбасу. Ведь никто не подумал о том, чтобы наполнить мою миску.

Как ни странно, колбаса оказалась вовсе не такой вкусной, как я ожидал, а все потому, что мне вдруг опять пришло в голову: к нам переезжает не только эта особа из кафе со своей дочкой, но и кошка по имени Молли Винделькрон или что-то в этом роде. Молли — такое имя могла носить только самая мерзкая из всех мерзких кошек. И мысль о том, что в скором будущем мне придется поза-

быть о спокойной и уютной жизни в доме девятнадцать по Парковой аллее и впредь делить свое жилище с какой-то там кошкой, была так ужасна, что у меня пропал всякий аппетит.

Так что, когда Антошка угостила меня в обед парочкой собачьих котлеток, я съел их, только чтобы сделать ей приятное. Сама Антошка не проглотила ни кусочка, даже ради своего отца. А он-то специально для нее сварил пачку пельменей. Антошка любит покупные пельмени, но Злючка всегда говорила: «Ребенку нужны витамины!» — и варила только ту еду, в которой есть эти самые витамины. Антошка их терпеть не могла.

— Съешь же что-нибудь, Антонина, ангел мой! — упрашивал профессор, но Антошка только молча качала головой.

И тут в кабинете зазвонил телефон. Антошка прокралась вслед за отцом и встала под дверь, чтобы послушать, с кем он говорит. А я побежал за ней только потому, что не придумал ничего лучше, вообще-то я не сую свой нос в чужие дела.

— Что? — кричал профессор в трубку. — Она не пойдет? Она что, мороженое не любит?

Неужели он говорит о кошачьем отроде?

— И жить у нас тоже не хочет? — Профессор вздохнул. — Что же нам делать, Элизабет? Может, попробовать... — И тут он заговорил так тихо, что даже я ничего не понял.

Антошка прижалась ухом к двери, и она вдруг приоткрылась.

— Та-ак, подслушиваешь, значит! — сказал профессор. — Ты бы и без того узнала, что я решил. Элизабет и Шарлотта переедут сюда еще на

этой неделе. Я не позволю двум маленьким девочкам вить из себя веревки! — С этими словами он снова захлопнул дверь.

Антошка взяла меня на руки.

— Я подложу этой Шарлоттке в кровать лягушек и змей! — шепнула она мне на ухо.

«Я загоню эту Молли на самое высокое дерево!» — прошептал я ей мысленно в ответ.

— И я никогда не назову эту женщину мамой! — Антошка заплакала и покрепче прижала меня к себе.

БЕЛАЯ КОШКА И ЧЕРНОЕ ПЯНИНО

И вот наступил день, когда они должны были приехать, новая мама, новая сестрица и новая кошка.

Сколько Антошка ни кричала, ни топала ногами, ни заходилась в истерику, ни упрашивала — ничего не помогло. Если уж профессор принял решение, то так и будет.

Комнатка под самой крышей, где раньше жила Злючка, была оклеена новыми обоями.

— Рисунок выбирала Шарлотта, — извиняющимся тоном сказал профессор, когда мы с Антошкой, вернувшись с прогулки, обнаружили рулоны в прихожей. Розовые бабочки и небесно-голубые незабудки на нежно-желтом фоне.

— Вот гадость! — воскликнула Антошка, и было непонятно, кого она имеет в виду — обои или Шарлотту. Больше всего мне хотелось поднять лапу и... Но это не мой стиль, так пристало вести себя бездомной дворняжке, а не благородному псу вроде меня,

у которого генеалогическое древо длиннее, чем Парковая аллея.

Но я, кажется, снова отвлекся. Вернемся к тому знаменательному дню, когда особа из кафе, ее дочь Шарлотта и Молли, кошачье отродье, собрались наконец переехать к нам.

Мы с Антошкой и Куколка, как всегда, сидели в саду, на нашей скамье под грушей, когда перед домом остановился мебельный фургон. В этот раз меня, как и Антошку, раздирало дикое любопытство. Мы прокрались мимо дома в палисадник и спрятались там за кустом бузины, оттуда все было прекрасно видно.

Профессор побежал к воротам, чтобы отдать распоряжения грузчикам, вылезшим из грузовика.

— Торшер несите в гостиную! А шкафчик в прихожую, прошу вас! Пожалуйста, осторожнее, это антикварная вещь!

Антиква... это еще что значит? Шкафчик был просто выдавшим виды старьем, если не сказать — рухлядью. И вообще ничего интересного я при выгрузке не увидел. Вот если бы они привезли большое кресло с подголовником, я бы обрадовался, но такой практичной вещи как раз и не было. В конце концов грузчики на широких ремнях втащили в дом какой-то черный ящик.

— Пианино несите на самый верх! — крикнул им вслед профессор.

— Только этого не хватало! — пробормотала Антошка. — Она еще и на пианино бренчит!

Да уж, час от часу не легче! Мерзкое кошачье отродье в доме, а теперь еще вдобавок и тренькающее днями напролет пианино. Я люблю только музыку, которую передают по радио, да и то не всякую.

Грузчики снова уселись в фургон и уехали. Мы с Антошкой вылезли из своего укрытия и пошли в дом. А там кто-то стоял.

Девочка. Откуда она тут взялась? Ее точно не выгружали, мы бы увидели.

Антошка остановилась как вкопанная, не говоря ни слова. Девочка была немного ниже Антошки, довольно толстая, на ней было розовое платье

в цветочек, натянувшееся на животе до предела, она стояла, потирая друг о друга носки ботинок. Вдруг она тряхнула своими темными кудряшками и крикнула звонко и высоко:

— Меня зовут Шарлотта и я буду здесь жить!

Антошка сглотнула слюну, подняла меня повыше и заявила:

— А я — Антошка, а это мой пес, он всех кусает!

Конечно, это была неправда, если честно, я еще никогда в жизни никого ни разу не укусил. Но я постарался произвести впечатление самого кусачего пса в мире и еще полаял для этого. И тут вдруг послышалось какое-то ворчание, а потом шипение, и внезапно у Шарлотты в руках тоже что-то появилось. Кошка, белая кошка, которая злобно уставилась на меня своими голубыми глазами.

— Это моя кошка Молли Мендельсон. А как зовут твоего мопса?

Похоже, эту Шарлотту не так-то легко запугать.

— Мопс! — ответила Антошка. — Моего мопса зовут Мопс.

— Вот скукотища, — сказала Шарлотта, снова тряхнув кудряшками. — Мою Молли зовут как Мендельсона Бартольди. — Увидев, что Антошка не понимает, о ком речь, она добавила: — Это ужасно знаменитый композитор. А ты, наверное, ничего не понимаешь в музыке? Вот мы с Молли обе очень музыкальные.

Антошка прижала меня к себе покрепче.

— Терпеть не могу музыку, а кошек тем более, — сказала она. — Кошки... — Она подбирала

слово пообиднее, но, к сожалению, не нашла ничего подходящего. — Кошки дурацкие.

Шарлотту она этим определением не особенно поразила.

— А мопсы воняют, — сказала та.

Я соскочил у Антошки с рук. Я был возмущен! Такого обо мне еще никто не говорил, даже Злючка. Молли Мендельсон посверкивала на меня сверху глазами, полными откровенной насмешки. И хотя я вовсе не сторонник грубой силы, я в ярости бросился на Шарлотту.

Она вскрикнула и выронила свою кошатину.

Я как раз хотел выгнать ее из дому и загнать на ближайшее дерево, когда кто-то вдруг сказал:

— А ты и есть Антонина, верно? — Это была особа из кафе у парка.

— Меня зовут Элизабет Мюллер, с моей дочерью Шарлоттой ты уже, видимо, познакомилась. — Она подошла к Антошке и протянула руку, но Антошка, всхлипывая, пробежала мимо нее, вверх по лестнице, в свою комнату.

Я последовал за ней так быстро, насколько позволяли мне мои коротенькие лапки. Только бы убежать от этой ужасной девочки и ее еще более ужасной кошки.

Антошка с размаху бросилась на кровать и все плакала и плакала. Я прыгнул к ней и преданно лизал ей лицо, притом что я и сам нуждался в срочном утешении. По сравнению с этой Молли Как-Ее-Там, Мориц, старый котяра по соседству, сама любезность. Он по крайней мере уважал меня и всегда удибал подальше, если нам случалось вдруг повстречаться.

И тут кто-то постучал в дверь.

— Антонина, ангел мой, ты идешь? Пора ужинать, Элизабет сварила спагетти! — Это пришел профессор.

— Я не хочу есть! — всхлипнула Антошка. Притом что спагетти Антошка любит еще больше, чем пельмени из пачки.

Профессор открыл дверь.

— Не хочешь есть — не ешь, но тебе все-таки надо присутствовать на нашем первом семейном ужине. — Он наклонился над Антошкой и погладил ее по голове. — Шарлотта тебя ждет не дождется.

Мне так почему-то не показалось, и Антошке, наверное, тоже, потому что она вдруг подскочила как ужаленная и закричала:

— Эта Шарлотта противная и вредная, и если она не уберется отсюда сейчас же, то я никогда больше ничего не буду есть!

Потом она снова бросилась ничком на кровать и накрыла голову подушкой.

— Ты ведешь себя как невоспитанная девочка, Антонина, и я очень надеюсь, что ты хорошенько подумаешь над тем, что я сказал, — возразил ей профессор серьезным тоном. После этого он взял меня за ошейник и оттащил от кровати. — Ты ведь не против, чтобы по крайней мере Мопс поел.

Конечно, мне бы надо было остаться с Антошкой и утешать ее дальше, но профессор так крепко ухватил меня за загривок, что мне пришлось отправиться с ним, хотел я этого или нет.

В кухне за столом уже сидели Элизабет Мюллер и Шарлотта. И... я не поверил своим глазам!.. Молли, кошачье отродье, восседала на Антошкином стуле и вылизывалась.

Это было уже слишком. Я пролаял трижды, коротко, но внушительно.

Шарлотта втянула ноги на стул.

— Мама, сейчас этот противный мопс укусит меня! — закричала она.

— Глупости, Мопс и мухи не обидит, — сказал профессор. — Ты же не боишься собак?

Шарлотта вздернула брови:

— Добрых собак не боюсь, а злых очень даже.

Профессор наполнил мою миску моим любимым кормом, и я принялся есть за обе щеки. Всякое могло случиться, вдруг кошачье отродье вздумало бы посягнуть на мою еду!

Но Молли не шелохнулась. Она осталась сидеть на Антошкином стуле, и краем глаза я видел, что Шарлотта кормила ее спагеттинами, которые Молли засовывала в пасть лапой, как человек. Такое зрелище кому угодно аппетит отобьет!

— И вот что, кошке нечего делать за столом! — строго сказал профессор. — Брысь отсюда!

Кошка смерила его презрительным взглядом своих голубых глаз, спрыгнула на пол и исчезла.

— Если Молли нельзя есть вместе со мной, то я тоже ничего не хочу! — Девочка Шарлотта встала, опрокинув стул, и затопала прочь из кухни.

— Что это нашло на девчонок? — сердито воскликнул профессор.

— Ах, Карлхайнц, — вздохнула Элизабет Мюллер, — пойми, они еще дети.

— Вот именно. Им надо бы радоваться, — сказал профессор. — У Антонины теперь есть подруга для игр, а у Шарлотты — большой сад и собственная комната. Какая черная неблагодарность!

— Дай им время привыкнуть к новым обстоятельствам.

— Ладно, я-то, во всяком случае, уже привык к тому, что ты теперь здесь, Элизабет. — Профессор наклонился к ней через стол. — Эти тайные свидания в кафе мне порядком надоели...

А потом снова началось это воркование, еще хуже, чем в кафе. О добавке нечего было и мечтать, так что я потихоньку удалился, улегся на диван в гостиной и вздремнул немного — после всех тревожных дней я, конечно, заслужил небольшой отдых.

The illustration shows a two-story house with a brown roof and yellow-green walls. Several windows are open, and a white cloth or sheet is draped over one of the lower windows. To the left of the house, there are large, stylized green trees. In the upper right, there are more green shapes resembling clouds or distant foliage. The title is centered at the top in bold black letters.

НАД ПАРКОВОЙ АЛЛЕЕЙ, ДОМ 19, СГУЩАЮТСЯ ТУЧИ

С той пятницы, тринадцатого, когда начались все неприятности, прошло всего две недели. Но как изменилась с тех пор наша жизнь! Если раньше Антошка с утра до вечера прыгала по дому, весело насвистывая, вверх и вниз по лестнице, и притом через две ступеньки за раз, то теперь в доме царила леденящая душу тишина, время от времени прерываемая крайне неприятными звуками.

Из маленькой комнатки под крышей доносилось фортепианное бречание всякий раз, когда я собирался прилечь на диване в гостиной, чтобы

поспать после обеда. Мне не оставалось ничего другого, как снова вставать и отправляться к своей корзинке, которую отнесли в самый дальний угол дома.

— Этот Мопс всегда очень злобно смотрит на меня, — заявила Шарлотта и сделала вид, будто страшно боится меня.

Конечно, это была наглая ложь. На самом деле Шарлотта ничего и никого на свете не боялась.

Даже Антошкиного отца, профессора. Он запретил ей сидеть за столом вместе с кошкой, но Шарлотта топнула пару раз ножкой и крикнула:

— Или Молли будет сидеть рядом со мной, или я отказываюсь есть!

Притом ей голодание пошло бы только на пользу. Между нами: она выглядела как откормленный поросенок.

А вот Антошка похудела еще больше. Она, правда, спускалась к столу, но за едой сидела сама не своя и только ковыряла вилкой в тарелке.

А еда, которую готовила Элизабет Мюллер, пахла, между прочим, просто замечательно. И на вкус ее стряпня тоже была что надо, я-то знаю, потому что, когда никто не видел, Антошка мне кое-что совала. Так что никто, кроме меня, и не замечал, что она почти ничего не ела.

Поскольку за столом у Шарлотты рот всегда был битком набит, разговаривала она редко, Антошка молчала теперь почти всегда, так что говорили только профессор и Элизабет Мюллер. Профессор больше не читал за едой, но зато рассказывал о своих книжках и о длительной научной экспедиции, которую он теперь намерен предпринять, раз за Антошкой наконец-то есть кому присмотреть.

— Когда у нас жила эта Тучка, то есть Злючка, я бы ни за что не решился оставить Антошку на полтора месяца, — сказал он. — Я ведь знаю, что ты терпеть ее не могла, верно, Антонина, ангел мой?

Антошка покраснела как рак и закашлялась.

Элизабет Мюллер вздохнула:

— Иногда мне кажется, что Антонина и нас терпеть не может, Карлхайнц.

— Глупости, мы уже почти одна семья, — возразил ей профессор.

Теперь поперхнулась Шарлотта. Наверное, двенадцатая рыбная палочка встала ей поперек горла.

— Можно выйти? — спросила Антошка и встала.

Профессор кивнул, а Шарлотта крикнула ей вслед:

— И пса своего заberi с собой, он портит мне аппетит!

Какая дерзость! А кошачья морда сидела за столом и ухмылялась. Насколько может ухмыляться кошка.

Мы с Антошкой отправились в сад и уселись на нашей скамье. В траве лежало несколько груш. Антошка подняла одну и откусила от нее кусочек.

— Мопсик мой, мопсинька, ну скажи, разве это не ужасно? — пожаловалась она.

В знак согласия я трижды тявкнул.

И тут же в маленькой комнатке под крышей распахнули окно, и вскоре послышалось треньканье пианино. Да уж, ничего приятного.

— Пошли, Мопс! — сказала Антошка. — Поглядим-ка на это поближе.

Мы вернулись обратно в дом и тихонько прокрались вверх по лестнице.

На двери Шарлоттиной комнаты висела большая картинка. Такая же, какую можно увидеть в витрине булочной и, к сожалению, у мясника тоже; там изображен пес, он глупо заглядывает внутрь магазина, но войти не смеет. Собака на Шарлоттиной картинке выглядела как перетянутая в нескольких местах бечевкой колбаса, с поросычьим хвостиком сзади. А возле колбасы стояло какое-то существо

с коротенькими волосами и жирными коричневыми точками, рассыпанными по всему лицу. Неужели это Антошка? А если это она, тогда колбасой с поросячьим хвостиком должен быть я! Я, Бобикус фон дер Доннерсмарк! И как бы я ни любил колбасу, я останусь при своем: мопис — это мыслящее существо, а не кусок мяса.

— С собаками вход воспрещен! — прочитала Антошка и фыркнула тихонько. Потом она очень осторожно нажала на дверную ручку. В приоткрывшуюся щелку мы оба заглянули в комнату, Антошка смотрела сверху, а я снизу.

Шарлотта сидела спиной к нам у своего черного ящика с клавишами и стучала по ним своими жирными пальцами. Кошка Молли косилась на нее сверху, ее лапа подрагивала в такт музыке.

Мы с Антошкой видели эту комнату в последний раз, когда в ней еще жила Злючка. Тогда здесь отвратительно пахло разными лекарствами от насморка, которые Злючка без конца закапывала себе в нос. Должен признать, теперь запах был гораздо приятнее, если не принимать во внимание типичный кошачий запах. Пахло как в саду, причем у розового куста. И тут я увидел их! На белом лакированном столике у окна стояла ваза с розами, желтыми, розовыми и красными розами из нашего сада! И вазу я тоже узнал, это была та самая ваза, которая раньше стояла в гостиной на камине, возле фотографии Антошкиной мамы. Она

была из зеленого стекла, и Антошка только вчера поставила в нее голубые незабудки и белые маргаритки.

Розы Антошка никогда не срезала, профессор запретил ей это строго-настрого. Розы были его самой большой гордостью.

Должен сознаться, я не особенно интересуюсь садоводством, что до меня, я бы предпочел несъедобным розочкам что-нибудь более питательное, например кусты с листьями из нежной ветчины и бутонами из свернутой в рулетики свинины. М-м-м, вкуснятина, впрочем, я отвлекся...

Мой взгляд как раз замер на Шарлоттиной кровати с мягкими подушками и пушистым одеялом, которое будто звало отдохнуть на себе, когда Антошка обнаружила вазу с розами.

Одним прыжком она очутилась в комнате Шарлотты и схватила вазу со стола.

— Она мамина! — закричала она. — А про розы я скажу папе!

И, не дав Шарлотте опомниться, Антошка вылетела из комнаты вместе с вазой и розами и унеслась вниз по лестнице.

Я коротко, но с угрозой твякнул на кошку Молли, которая холодно разглядывала меня своими голубыми глазами, а потом принялась вылизывать маленьким розовым язычком лапу.

Шарлотта с треском захлопнула крышку пианино и побежала вслед за Антошкой, причем в дверях она запнулась о меня, так что чуть было не полетела с лестницы. Признаюсь, я именно для этого остался сидеть у порога...

Тут с пианино, словно белая молния, метнулась кошатина, так что и мне пришлось покинуть место действия, хотя я с большим удовольствием обнюхал бы душистую постель...

Снизу, из кабинета профессора, доносились сердитые голоса. Я проскользнул в дверь.

Профессор сидел за письменным столом, возле него стояла Элизабет Мюллер. Одну руку она положила на плечо профессора, другую на плечо своей дочери, о ноги которой терлась кошка Молли. Перед столом стояла Антошка и протягивала отцу вазу с розами.

— Да успокойся же, Антонина, ангел мой! — как раз

сказал в эту минуту профессор. — Конечно, Шарлотта не права, без моего разрешения ей не следовало рвать розы. Она больше так не будет, правда?

Я вовсе не был в этом так уверен, потому что как раз на эти слова Шарлотта показала профессору язык, хотя и мельком, так что он ничего не заметил.

— И вазу она взяла, мамину вазу! — всхлипывала Антошка.

Тут к Антошке подошла Элизабет Мюллер.

— Шарлотта тоже очень расстроена. Она не хотела тебя огорчить. Ты ведь очень любила маму, да, дитя мое? — сказала она мягко и хотела положить руку на плечо Антошке, но та вырвалась от нее.

— Я не ваше дитя! — закричала она гневно. — Даже если вы сто раз выйдете замуж за моего папу!

С этими словами Антошка убежала вон. Я остался еще на минутку, хотя Молли Мендельсон

уже стояла передо мной, выгнув спину и шипя. А хвост у нее выглядел при этом как ершик для мытья унитаза, вот уж смех!

— Наверное, все-таки неправильно мы сделали, что вот так просто переехали к тебе, Карлхайнц, — услышал я тихий голос Элизабет Мюллер.

Но прежде чем профессор успел что-то возразить, в их разговор вмешалась Шарлотта:

— Но нам с Молли здесь нравится! Кто нам мешает, так это девчонка со своим вонючим мопсом!

Вонючий мопс! У меня просто дыхание перехватило.

— Шарлотта, я прошу тебя! Я этого не слышала! Немедленно извинись! — сказала Элизабет Мюллер.

— Перед кем? — дерзко ответила Шарлотта и показала на меня. — Может, перед ним?

Да уж, по крайней мере, это ей следовало бы сделать.

— Не принимай близко к сердцу эту детскую возню, дорогая, — сказал профессор и открыл книгу. — Вот увидишь, через пару дней они уже будут играть вместе в куклы.

— Ха! — насмешливо сказала Шарлотта, взяла на руки свою кошку, и только их и видели.

Я побежал следом. Судя по всему, мир должен был возвратиться в этот дом на Парковой аллее еще очень не скоро.

ЛОЖНОЕ ПОДОЗРЕНИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Что касается погоды, то она определенно была в это лето самой чудесной за все четыре года моей мопсией жизни. Солнышко светило с утра до вечера, в саду пели птицы, а если не пели, то весело клевали малину и вишню.

Раньше Антошка всегда собирала малину и вишню, ела сама и кормила ягодами меня. Собственно говоря, я не слишком любил вишни, у меня от них... ну да ладно, не важно. А вот чего мне действительно не хватало, так это веселого Антошкиного личика.

Не было слышно восторженных вскриков с качелей под старой яблоней, никто не плел больше маленьких веночков из одуванчиков и не нахлобучивал их мне на уши. И только профессор все так же совершал свой ежедневный обход розовых кустов, как будто ничего не произошло. Наверное, он все еще надеялся, что однажды Антошка и Шарлотта подружатся, покончив со злыми передрягами и хлопаньем дверьми со всей силы.

Может, он еще надеялся, что Молли Мендельсон, мерзкое кошачье отродье, и я привыкнем друг к другу. Никогда! Пусть не надеется! Потому что я, конечно, был на стороне Антошки и считал Молли и Шарлотту самыми настоящими вражескими захватчиками. По сравнению с теперешним положением дел, во времена замученной насморком Злючки нам жилось просто лучше некуда! Во всяком случае, меня каждый день, ровно в три, водили в парк, а теперь обо мне никто и не вспоминал.

Следуя настоятельной потребности, в одно прекрасное утро я отправился в сад, чтобы там в каком-нибудь тихом уголке поднять лапу. Мимо нашего дома в парк шли веселые компании с корзинками для пикника, набитыми вкуснятиной, одеялами, на которых так хорошо поваляться, и пестрыми мячами. Я с завистью смотрел им вслед.

И вдруг кто-то почесал меня за ухом. Нет, это была не Антошка, а Элизабет Мюллер, которая одна была во всем виновата. Ведь это она захотела выйти замуж за профессора. Или он пожелал жениться на ней? Я в таких вещах не очень разбираюсь.

— Надо же с тобой кому-то погулять наконец, — сказала она и взяла меня на поводок. Я с надеждой повилял хвостиком.

— Шарлотта! Антонина! Я иду гулять с собакой! Кто со мной? — крикнула она.

Антошки нигде не было видно, но Шарлотта протопала по лужайке, смяв одуванчики.

— купишь мне мороженое, тогда пойду, — сказала она.

Элизабет Мюллер открыла калитку.

— Но ты же только что плотно позавтракала, Шарлотта, — сказала она, покачав головой. — Неужели ты не наелась?

Шарлотта не ответила и нехотя потащила след за нами по Парковой аллее.

Странное это чувство, когда тебя выгуливают чужие люди. То есть Шарлотта и ее мать не были мне теперь абсолютно чужими или все-таки были? Все это как-то слишком запутанно для собаки вроде меня, для которой главное — порядок.

— Слушай, мам, а если ты выйдешь замуж за профессора, эта мерзкая Антонина, значит, будет мне сестрой? — спросила Шарлотта, когда мы остановились возле одного дерева.

— Нет, конечно, но надеюсь, вы станете подругами, — сказала Элизабет Мюллер. — Антонина вовсе не мерзкая, она только...

Но договорить ей не удалось. Потому что в это мгновение возле нее появилась Антошка и выдернула мой поводок из ее рук.

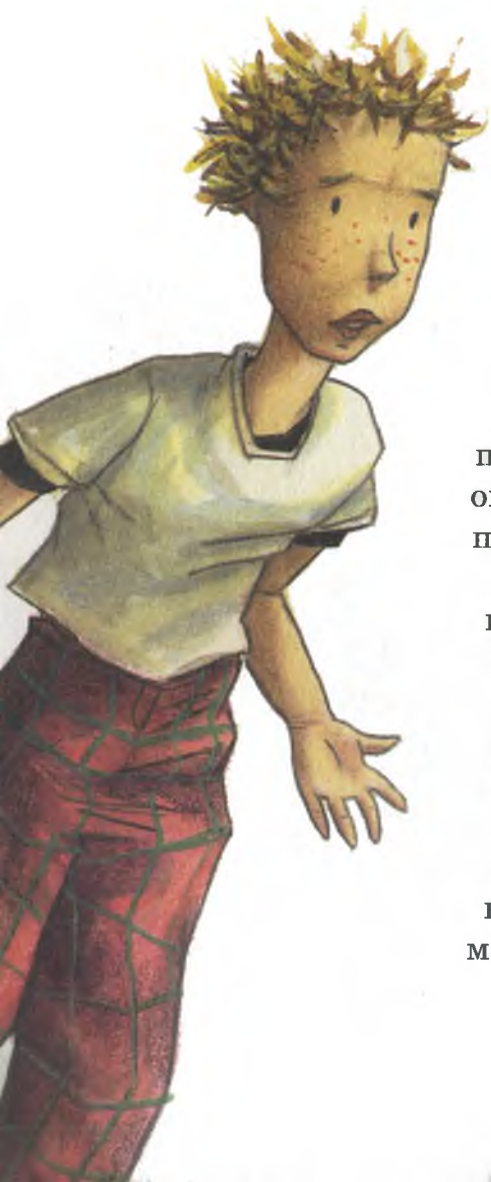
— Это мой пес! — крикнула она, едва переводя дыхание. — Только я с ним гуляю... или мой отец! — После этих слов она повернулась к ним спиной и потащила меня домой.

Должен признаться, впервые в жизни я немного рассердился на Антошку. Мне так хотелось погулять, обойти весь парк. Может, мне бы посчастливилось встретить мадемуазель Лолиту, черную пуделиху, или облаять этого хвастуна Рандольфа...

Придя домой, Антошка спустила меня с поводка и легонько шлепнула.

— А ты, значит, и обрадовался, побежал с ними, Мопс! — сказала она с упреком. — Почему ты не сопротивлялся?

Я громко заскулил. И как же мне нужно было сопротивляться? Укусить их, что ли? Я все-таки не из каких-то грубых бойцовых псов! Оскорбленный до глубины души, я улегся в свою корзинку и закрыл глаза. Вот, теперь Антошка рассердилась на меня, а я вовсе не виноват. Но едва я углубился в размышления о людской несправедли-

вости, как меня прервали. Я услышал голос Элизабет Мюллер.

— Бедный Мопсик, тебе, наверное, так хотелось еще побыть в парке, правда?

Я утвердительно залаял.

— Я хочу собрать в саду малину. Как ты думаешь, если я сварю из нее кисель, девочки помирятся?

Я знал, что Антошка больше всего на свете любит малиновый кисель, особенно с хорошей порцией густого ванильного соуса, но я также знал, что к Антошке бесполезно подлизываться. И все-таки я последовал за Элизабет Мюллер, направлявшейся за дом, к кустам малины. В руке у нее была миска, а вокруг талии она повязала зеленый садовый фартук профессора, который был ей слишком велик. На террасе грелась на солнышке Молли Мендельсон и вылизывала свою белую шкурку. Собственно говоря, она весь день только этим и занималась. Надо же, до чего кошки тщеславны! А ведь они так безобразны со своими длинными тощими хвостами и острыми ушами.

А может, она прихорашивалась так усердно, чтобы очаровать соседского Морица, котяру тигриной породы? Он теперь до того обнаглел, что запросто приходил в наш сад, перерывал

все клумбы и бродил вокруг дома. А ночью мы слушали его серенады. Эти кошачьи концерты были еще хуже, чем Шарлоттино бряканье на пианино.

Я не обратил внимания на кошатину Молли — мы уже несколько дней делали вид, что не видим друг друга. Уж очень это было утомительно — каждый раз при встрече угрожающе ворчать или шипеть.

На скамейке под грушей лежала Куколка. Должно быть, ее забыла здесь Антошка, такого с ней еще не случалось. Куколка тоже выглядела очень грустной. Из рук и ног торчала солома, живот провалился, вышитый рот больше не улыбался.

Элизабет Мюллер подняла Куколку.

— И о тебе надо кому-то позаботиться, — сказала она и засунула Куколку в карман фартука. А потом она начала собирать малину. Эх, если бы это помогло прекратить все ссоры. Я запрыгнул на скамейку и стал ждать.

И верно, едва Элизабет Мюллер вошла в дом с миской, полной малины, откуда ни возьмись появилась Антошка.

— Где Куколка? — закричала она и столкнула меня со скамейки.

An illustration of a scene in a park. A large, leafy tree stands on the right side of the frame. A wooden bench is positioned under the tree. A person with dark, spiky hair, wearing a green jacket and red plaid pants, is slumped over the back of the bench, appearing to be asleep or exhausted. A brown dog is sitting on the grass in front of the bench, looking up at the person. The background is a bright, hazy sky. The overall style is soft and painterly.

Ну, это уж было действительно чересчур! Я бы охотно сказал Антошке, что Куколку забрала ее будущая мачеха, но ведь я могу только лаять.

Антошка заглянула под скамейку, пошарила в траве, даже осмотрела ветви груши. Куколки нигде не было. Антошка уселась на скамью и так горько заплакала, что мое мужественное собачье сердце чуть не разорвалось на куски.

А кошка Молли между тем окончила свой туалет и теперь бесшумно кралась в траве. Она делала вид, будто охотится за бабочками, но все время косилась своими голубыми глазами в нашу сторону. Вдруг она в мгновение ока уселась рядом с Антошкой и принялась тереться мордочкой об Антошкино плечо. Неужели мои глаза не обманывают меня?

— Руки прочь от моей кошки! — завопил кто-то изо всей мочи. На нас бежала Шарлотта, ее темные локоны тряслись от бешенства.

Антошка молниеносно схватила Молли и прижала к себе.

— Ты украла Куколку! — крикнула она. — За это я выкину твою кошку на помойку!

Антошка вскочила, держа в руках возмущенно мяукающую Молли Мендельсон.

Шарлотта хотела вырвать у нее кошатину, но Антошка так сильно пнула Шарлотту в толстый живот, что та упала на спину. И прежде чем Шарлотта успела прийти в себя, Антошка вместе с Молли уже исчезли.

Я склонился над Шарлоттой, беспомощно лежавшей в траве, чтобы убедиться, не требуется ли ей какая-нибудь помощь, — жаль, я не ношу на шее бочоночек с ромом, как сенбернары, — и тут она принялась плакать.

— Только не кусай! — всхлипывала Шарлотта. — Прошу тебя, пожалуйста, не кусай меня!

Ну кто такое выдержит? Пожалуй, у меня еще появятся седые усы, если дело пойдет так и дальше. Разве я не похудел уже от всех этих треволнений?

Я оставил Шарлотту рыдать, лежа в траве, а сам отправился на поиски Антошки. В доме никого не

было, только на кухне Элизабет Мюллер как раз готовила особенно густой ванильный соус, а на столе уже стоял малиновый кисель. Я усомнился, что сегодня кто-нибудь станет его есть. Но тут я ошибся, потому что в дверях кухни неожиданно появилась Антошка.

— М-м-м, малиновый кисель! — воскликнула она и налила себе побольше. И прежде чем ошарашенная Элизабет Мюллер смогла вымолвить хоть словечко, Антошка вместе с малиновым киселем уже исчезла.

Я было хотел припустить за ней, но тут в кухне появилась Шарлотта в платье, зеленом от травы, и с лицом, распухшим от слез.

— Мама, — всхлипнула она, — мама, эта противная девчонка меня пнула, а Молли выбросила

на помойку. А этот жирный мопс... — Шарлотта ткнула в мою сторону пальцем, собираясь нажаловаться и на меня.

Но я быстро выбежал вон, чтобы не слушать, какие гадости начнет рассказывать про меня эта девочка.

Что же Антошка сделала с этой кошатиной? Задаваясь этим вопросом, я как раз проходил мимо большого платяного шкафа, в котором хранились зимние пальто. Обыкновенно я делал большой крюк, идя мимо него, потому что там всегда неприятно пахло средством от моли. И теперь от него несло тем же, но к этому примешивался еще какой-то резкий запах. Определенно, пахло кошкой! Я подошел поближе и услышал, как кто-то тихонько царапает изнутри дверцу шкафа. Неужели Антошка заперла Молли в этом темном шкафу?

Открыть дверцы шкафа очень трудно, но ведь я, в конце концов, пес благородных кровей и к тому же силен не по годам. Сперва я просунул в щелку лапу, а потом и голову, и шкаф, кряхтя, открылся.

Кошка Молли выпрыгнула оттуда и три раза громко и отчетливо чихнула. И также громко и отчетливо она сказала:

— Большое спасибо, господин Мопс, за то, что вы меня освободили!

От растерянности я и слова не смог сказать в ответ. Молли посмотрела на меня своими голубыми глазищами и смахнула с уха паутинку.

— Обычно я вступаю в беседу только с равными мне по положению, но ввиду сложившейся в этом доме плачевной ситуации я почла за возможное сделать для вас исключение. Полагаю, нам следовало бы совместно поразмыслить над тем, что необходимо предпринять, чтобы жить здесь в мире и спокойствии.

Это была длинная речь, особенно для кошки. Даже я не сказал бы лучше. Вот уж где Молли действительно была права. Что-то следовало сделать, и чем быстрее, тем лучше.

ИНОГДА И У КОШЕК БЫВАЮТ ХОРОШИЕ ИДЕИ

— Антонина, немедленно зайди ко мне!

Если профессор разговаривает в таком тоне, значит, жди неприятностей. Больших неприятностей.

Конечно, Шарлотта наядбедничала. Притом что ни с ней, ни с ее кошкой ничегошеньки не случилось! Даже наоборот. Без моей героической помощи Молли Мендельсон умерла бы в шкафу от голода. А теперь она сидела себе рядом со мной и внимательно за всем наблюдала. Потом кошка побежала к кабинету, у двери которого уже стояла Шарлотта, прижавшись ухом к щелке.

Любопытство и правда крайне неприятная черта характера у людей и кошек, недостойная благородного пса. Но ведь мне, в конце концов, тоже на-

до знать, что происходит в доме. В общем, я присоединился к Шарлотте и Молли. Но толстая Шарлотта заслонила собой весь проем, поэтому я не понимал, что там говорят, хотя профессор кричал очень громко. Антошка только всхлипывала. И еще все время слышно было слово «интернат».

Я не знал, что он имел в виду, но, наверное, это было что-то ужасное, потому что Шарлотта довольно потирала руки и тихонько приговаривала:

— Вот и хорошо, туда вам и дорога! — Я угрожающе зарычал, и тогда Шарлотта посмотрела на меня зло и прошипела: — А ты отправишься в собачий питомник и там можешь рычать и вонять, сколько твоей душе угодно.

От ярости я чуть не забыл про свое хорошее воспитание и почти укусил ее за ногу, но в этот момент дверь открылась.

— И тебе мне тоже надо кое-что сказать! — грозно объявил профессор Шарлотте и втащил ее в комнату.

Мне очень хотелось послушать это «кое-что», но Молли Мендельсон скользнула мимо меня, заговорщически подмигнув мне. Я отправился вслед за ней в сад.

— Вы должны понять Шарлотту, — сказала мне Молли на улице, — она терпеть не может собак.

— А я терпеть не могу кошек, — почти ляпнул я, но умная собака знает, когда лучше попридер-

жать язычок. Как бы там ни было, кошачье отродье ходило у меня в союзниках.

— Что если нам подраться? — предложил я. — Понарошку, конечно. Тогда Шарлотта и ее мать станут бояться меня и съедут отсюда.

Молли взглянула на меня весьма высокомерно.

— Очевидно, вы меня не поняли, — сказала она. — Я вовсе не намерена покидать этот дом ради той крошечной квартирки, где, кроме мух и пауков, охотиться не на кого. — И, подрагивая усами, она взглянула на поилку для птиц, где как раз весело плескался маленький воробышек. — У меня есть план, — продолжила она. — Нам нужно лишь спрятаться на время, а именно до той поры, пока Шарлотта и Антошка не подружатся.

Подружатся! Что за кошачьи глупости. Жди, пока рак на горе свистнет! Я тут же представил себе, как когда-нибудь в саду найдут мопсий скелетик, печальные останки меня, погибшего от голода! И Антошка никогда не узнает, что я пожертвовал собой ради нее. Но прежде чем я смог сказать хоть слово против ее плана, Молли Мендельсон уже отправилась в укрытие, которое она, естественно, давно присмотрела.

Должен признать, укрытие было отменным. В дальнем углу сада, возле скамейки под грушей,

стоит небольшая сараюшка, в которой хранятся Антошкин велосипед, ее же санки и разные садовые инструменты. Перед сараем уложена поленница дров, которые летом, само собой разумеется, никому не нужны.

Между стеной сарая и поленницей есть небольшой зазор, в который можно протиснуться при желании. То есть протискиваться пришлось мне, кошачье отродье по имени Молли проскользнуло туда не хуже змеюки, обернулось пару раз вокруг себя, свернулось в клубочек и промяукало:

— Разбудите меня, если что. — А потом сладко заснуло.

Я и думать не мог об отдыхе. Укрытие при всех его достоинствах было попросту очень тесным. Как бы я ни вертелся, ни кружился, я все время или ударялся о поленья, или оказывался в опасной близости от кошки Молли и ее замечательно белого и мягкого меха.

Но находиться рядом с кошкой противно собачьей природе. Так было всегда, и так будет и впредь. Это закон природы, а законы нужно уважать. Вот на этой умной мысли я, наверное, и заснул, во всяком случае, я проснулся оттого, что кто-то ущипнул меня за загривок. Это была Молли Мендельсон.

— Слышите, господин Мопс? Они зовут нас.

Теперь и я услышал. Из одного угла сада доносилось: «Молли Мендельсон, где ты? Мо-о-о-л-ли-и-и!», а из другого слышалось: «Мопс! Ко мне!»

По старой привычке я хотел вскочить и бежать к Антошке, но Молли удержала меня.

— Ну, все складывается замечательно! — сказала она. — Теперь нам нужно только немного подождать.

Снова и снова две маленькие отчаявшиеся девочки звали нас, снова и снова обшаривали они все уголки сада. Мне было очень тяжело усидеть в нашем укрытии.

Вдруг голоса Антошки и Шарлотты послышались совсем близко. Кто-то открыл дверь сарая.

— И здесь их нет, — печально сказала Антошка.

— Ты думаешь, их переехало машиной? — услышал я Шарлотту.

— Ну не обоих же сразу, — ответила Антошка. — Наверное, их поймали и куда-то увезли.

Послышались громкие всхлипы.

Молли подглядывала в щель между поленьями.

— Вот они садятся на скамью, — прошептала она. — Вместе! Послушаем-ка, о чем они будут говорить.

Мы потихоньку выбрались из нашей норы, подкрались к скамейке сзади и спрятались посреди высокой травы под грушей.

— Может, твой отец уже отправил Молли и Мопса в питомник, а нас обеих пошлет после каникул в интернат, — предположила Шарлотта.

— Только в том случае, если мы не поладим, так сказал мой папа, — ответила Антошка.

— А зачем ты пнула меня в живот? — спросила Шарлотта.

— А зачем ты украла у меня Куколку?

— Я не брала! Клянусь! — Шарлотта подняла ладонь в знак правдивости своих слов.

— Вот странно: Куколка исчезла, Мопс тоже пропал... — задумчиво протянула Антошка.

— Да ты просто ненавидишь нас, вот и все... — ответила Шарлотта и потеряла одну о другую свои лакированные туфельки, так что они противно скрипнули.

— Почему вдруг твоя мать захотела выйти замуж за моего папу? Что, у нее своего мужа нет? — поинтересовалась Антошка. Иногда она возьмет и спросит вот так, без обиняков.

— Мой папа играет на рояле, — сказала Шарлотта с гордостью, а потом тихонько добавила: — Он все время уезжал куда-то, чтобы играть, а однажды не вернулся.

— Какой же он гад, — заметила сочувственно Антошка.

— Мой папа не гад, это я виновата во всем! — И Шарлотта снова заплакала. — Он сказал, я должна упражняться на пианино и, когда сумею

без ошибок сыграть эту дурацкую пьесу этого дурацкого Мендельсона Бартольди, он вернется.

Я всегда считал, что «дурацкий» — это любимое словечко Антошки. Может, эта Шарлотта не такая ненормальная, какой кажется?

— Ну и как, сыграла ты? — спросила Антошка.

— Нет, в этом-то и дело! — пожаловалась Шарлотта. — Я учу-учу, и все равно не выходит, вот поэтому мой папа не возвращается.

— Знаешь что? — Антошкин голос вдруг зазвучал. — Хороший папа всегда возвращается, даже если не умеешь играть на пианино.

Помолчав, Шарлотта сказала:

— Теперь вообще-то уже все равно, папа с мамой развелись...

— Но с тобой-то он мог бы видаться, — перебила ее Антошка, — с тобой-то он не развелся.

— Он один раз взял меня на концерт, там играла девочка, она была еще меньше, чем я. У нее были такие длинные локоны и красное бархатное платье с белым воротником, — Шарлотта говорила все тише, — и она так здорово играла, а пьесы были ужасно трудные. И тогда мой папа сказал... мой папа сказал, что вот такой дочкой он бы очень гордился...

— И поэтому-то ты теперь и ходишь в этих идиотских платьях и тренькаешь целыми днями на своем идиотском пианино?

Похоже, у Антошки появилось новое любимое словечко.

— В общем, я считаю, твой папа — настоящий гад.

Тогда Шарлотта спросила:

— А твоя мама была хорошая?

— Хорошая, только я ее не помню, — тихонько сказала Антошка.

Тут обе снова замолчали. Только скворец весело пел над нами в ветвях груши. Но Молли даже не взглянула на него, она была так же взволнована, как и я.

— Полканикул уже прошло... — начала снова Антошка.

— В кафе возле парка продают очень вкусное мороженое... — Шарлотта сглотнула слюнки.

— Раньше я всегда ходила с Мопсом в парк, — вздохнула Антошка.

— А Молли по утрам всегда щекотала мне лапой нос...

После этого мы слышали горькие рыдания. Антошка и Шарлотта плакали дуэтом.

Тут Молли посмотрела на меня, я — на Молли, и мы одновременно прыгнули на скамейку, Молли прямо на колени к Шарлотте.

Как велика была радость от встречи, наверное, может представить себе каждый. Я не стану описывать, не очень-то я люблю эти телячьи нежности.

И если бы кто-то увидел нас тогда вчетвером на скамейке, он наверняка подумал бы: хорошо, что хорошо кончается. И я так думал, но немного позже обнаружил, что может быть еще лучше.

ВСЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ТАМ, ГДЕ И НАЧАЛОСЬ

Моя история приближается к концу, и при всей своей скромности — а она у мопсов, между прочим, в крови — я все же хотел бы подчеркнуть, что без моего деятельного участия конца, по крайней мере хорошего, пришлось бы дожидаться еще очень и очень долго.

Конечно, я ни в коем случае не хочу преуменьшить роль кошки Молли Мендельсон, все-таки это была ее идея — спрятаться, чтобы Антошка с Шарлоттой, связанные общим горем, нашли бы между собой еще больше общего.

План сработал. И в тот же день после обеда мы вчетвером отправились по Парковой аллее в направлении кафе, туда, где все когда-то началось. Антошка с Шарлоттой купили себе по большой порции мороженого: ежевично-ванильно-марципанового, посыпанного сверху шоколадной стружкой.

А нам с Молли ничего не предложили, так что я прикинул, не толкнуть ли мне слегка маленького мальчика, чтобы он случайно выронил свою сосиску из хот-дога. Но мне не пришлось трудиться. Как только мальчуган увидел сидящую перед кафе Молли Мендельсон, он тут же в полном восторге закричал: «Мявка!» — и побежал к Молли, запнулся — у малышей и правда проблемы с ножками, в отличие от маленьких собачек, — и растя-

нулся в грязи, а вместе с ним и сосиска. Я быстро подхватил ее и побежал следом за Антошкой, Шарлоттой и Молли, которые шли на детскую площадку.

Должен сказать, приятный выдался денек. Я даже успел покопаться в песочнице. Никто не обратил на меня внимания, потому что все смотрели только на Молли Мендельсон. «Ты посмотри только, какая белоснежная кошечка!» — «Да уж, а глазищи-то какие голубые!» — «Ну и красавица!» И так далее, весь день.

Хорошо все-таки, что я не самолюбив и совсем не стремлюсь быть в центре всеобщего внимания.

Когда мы, вдоволь накатавшись на каруселях и качелях, вернулись наконец домой, я сразу почувствовал неладное. Молли тоже задержала усами, а шерсть у нее на загривке встала вдруг дыбом. В прихожей стоял огромный чемоданище, а второй такой же как раз тащила Элизабет Мюллер.

— Мы переезжаем, Шарлотта, — сказала она и вытерла глаза. Удивительно все-таки, как много воды производят люди чуть не каждый день таким вот манером. Шарлотта, только что заливавшаяся смехом на качелях, тоже заплакала, Антошка заревела вместе с ними за компанию.

— Что тут случилось? Не дадут мне спокойно... — Профессор вышел из кабинета и при виде слез, текших в три ручья, потерял дар речи.

— Скоро, скоро никто не будет тебе досаждать, Карлхайнц, — услышал я голос Элизабет Мюллер, шмыгавшей носом, как, бывало, делала это гнусавая Злючка.

— Я ровным счетом ничего не понимаю... — Похоже, профессор был крайне растерян.

— В этом-то все и дело! Ты ровным счетом ничего не понимаешь, по крайней мере в детях-то уж точно ничегошеньки. Да как тебе в голову пришло угрожать двум маленьким, наполовину осиротевшим девочкам каким-то там интернатом!

Тут Антошка с Шарлоттой заревели как оглашенные.

Молли Мендельсон сидела в это время в сторонке и чистила свою шубку с таким видом, будто ее все происходящее не касается ни в малейшей степени. А мне стало по-настоящему плохо, так что даже со-сиска запросилась обратно. Но я счел, что сейчас не самый подходящий момент для подобной слабости.

И тут мама Шарлотты вытащила что-то из кармана и протянула Антошке.

— Да ведь это моя Куколка! — удивленно воскликнула Антошка.

— Я нашла ее в саду и решила немножко почистить и подштопать, — объяснила Элизабет Мюллер.

— Да у нее новое платьишко! — Антошка вертела Куколку так и сяк, даже под подол ей заглянула. — Кружевные панталончики! Смотри, Шарлотта.

Шарлотта взяла Куколку в руки и тоже рассмотрела кружевные панталончики.

— Большое вам спасибо, госпожа Мюллер, — вежливо сказала Антошка.

— Ей было бы приятней, если бы ты звала ее просто Элизабет, — пробормотал профессор.

— Теперь мне уже все равно. — Элизабет Мюллер снова подхватила свои чемоданы. — За мебелью пришлю позже.

— Но пианино останется здесь! — твердо заявила Шарлотта.

— А мне казалось, тебе так нравится играть, — удивилась Шарлоттина мама.

— Ненавижу играть на пианино, чтоб ты знала! — Шарлотта топнула ногой.

Профессор откашлялся.

— Ты, конечно, больше понимаешь в детях, чем я, Элизабет, но, видимо, тоже не все. — И уголки рта у него предательски дрогнули.

— Вы еще научитесь, папа, — успокоила его Антошка, — если мы будем жить все вместе, Шарлотта и Элизабет, и Молли, и мы с тобой.

До поры до времени я вежливо держался в тени, но тут уж мне пришлось напомнить о себе, коротко таякнув.

— Вместе с Мопсом, конечно. — Антошка потрепала меня по шерстке.

— А я больше никогда не буду говорить, что твой Мопс воняет! — пообещала Шарлотта.

Да уж, надеюсь.

— А я больше никогда не скажу, что твоя кошка дурацкая.

Тут Шарлотта и Антошка торжественно протянули друг другу руки.

— Ну, тогда все в полном порядке, — довольно пробасил профессор и хотел уже вернуться в свой кабинет.

— Не торопись, Карлхайнц! — Элизабет Мюллер наклонилась к Антошке, положила руки ей на плечи и пристально посмотрела в глаза. — Ты действительно хочешь, чтобы мы остались, Антонина? — спросила она.

Антошка подумала.

В прихожей стало тихо-тихо, даже Молли перестала вылизываться и направила уши.

— Да, но при одном условии, — сказала Антошка.

— Каком же?

— Пожалуйста, зовите меня Антошкой.

Элизабет Мюллер улыбнулась и погладила Антошку по плечу.

— А когда ужинать будем? — слышался голосок Шарлотты.

Вопрос был как раз ко времени, дурнота моя совершенно улетучилась, а в животе начало крайне неприятно посасывать.

— Я сегодня ничего не приготовила, — вздохнула Элизабет Мюллер, которая уже давно отставила свои чемоданы.

— Ну, если так... — Профессор потер подбородок. — Тогда я предлагаю поужинать сегодня в кафе у парка, я вас всех приглашаю. Согласны?

Конечно, все были согласны. И тут началась такая суматоха, чемоданы распаковали, платья сняли, натянули брюки. Шарлотта с громким стуком уронила крышку пианино, чтобы больше никогда, никогда ее не открывать, как она заявила. А потом дом внезапно опустел.

Остались только мы с Молли Мендельсон. Антошка, правда, позаботилась о том, чтобы наши миски не пустовали. Знаете, должен сказать вам, этот корм для кошек ужасно неаппетитно пахнет, может, в него добавляют вареных мышей.

Я как раз попробовал свое телячье рагу, когда в кухне появилась Молли и тоже направилась к своей миске.

— Мои поздравления, фройляйн Молли, — сказал я ей вполне дружелюбно, — вот мы и добились, чего хотели.

Сначала я подумал, что она меня не расслышала, слишком уж она набросилась на свою размазную из мышей, так что я повторил:

— Вот мы и добились, чего хотели.

Тогда Молли подняла голову и посмотрела на меня своими голубыми глазами так, будто никогда в жизни не видела собак, не говоря уж о мопсах. Потом она зашипела, тихо, но с явной угрозой, так что я из предосторожности отошел от нее на пару шагов.

Больше она со мной не говорила. Ну, не очень-то и хотелось. Я вполне могу обойтись без кошачьих разглагольствований, вот уж не намерен больше навязываться этой Молли Мендельсон. В конце концов, по чистоте крови и благородству рода она стоит намного ниже меня.

И все же, признаюсь, я был немного обижен.

СОДЕРЖАНИЕ

Кто я такой	5
Тень зловещей угрозы неумолимо надвигается . . .	14
Злючка уходит	23
Огурцы, селедка, сало означают бед немало	32
Белая кошка и черное пианино	38
Над Парковой аллеей, дом 19, сгущаются тучи . . .	50
Ложное подозрение и его последствия	60
Иногда и у кошек бывают хорошие идеи	74
Все заканчивается там, где и началось	86

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ

<u>Санкт-Петербург</u>	Издательство «Азбука» тел. (812) 327-04-56, факс (812) 327-01-60 «Книжный клуб „Снарк“» тел (812) 103-06-07 ООО «Русич-Сан». тел (812) 589-29-75
<u>Москва</u>	ООО «Азбука-М» тел. (095) 150-52-11, 792-50-68, 792-50-69 ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6» тел. (095) 265-81-93, 261-24-90 www.club366.ru, club366@aha.ru
<u>Екатеринбург</u>	ООО «Валео книга». тел. (3432) 42-07-75
<u>Новосибирск</u>	ООО «Топ-книга» тел. (3832) 36-10-28. www.opt-kniga.ru
<u>Калининград</u>	Сеть магазинов «Книги и книжечки» тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38
<u>Хабаровск</u>	ООО «Мирс» тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67 sale_book@bookmirs.khv.ru
<u>Челябинск</u>	ООО «ИнтерСервис ЛТД» тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52
<u>Казань</u>	ООО «Таис» тел. (8432) 72-34-55, 72-27-82 tais@bancorp.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАРТНЕРЫ

<u>Израиль</u>	«Спутник» (Тель-Авив) тел. (03) 6872261, 056-479931 sputnic@zahav.net.il
----------------	--

INTERNET-МАГАЗИН

Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»
WWW.OZON.RU

КНИГА-ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192236, а/я 300 тел. (812) 268-90-93;
www.areal.com.ru e-mail: postbook@areal.com.ru

Эта смешная и поучительная история рассказана Бобикусом фон дер Доннерсмарком, а попросту Мопсом, который был весьма доволен своей жизнью, пока отец девочки Антошки не решил жениться. И вот когда в доме появилась мачеха, ее дочка, да еще дочкина кошка Молли Мендельсон в придачу, прежнему спокойствию настал конец.

Мопс готов на все, лишь бы его хозяйка Антошка перестала так сильно злиться и в доме снова наступил мир.

Сабине Людвиг родилась в 1954 г. в Берлине. Изучала литературоведение, потом работала редактором на радио, затем начала переводить и писать собственные книги. В 1993 г. получила приз Беттины фон Арним. В издательстве «Фишер. Остров сокровищ» к сегодняшнему дню вышло несколько книг писательницы: «Днем все львы серые», «Лучшие в мире вороны — родители», «У рыб нет попы», «Июль и Августус», «Четыре пиццы по-неаполитански» и книги о приключениях маленькой ведьмы Серафины: «Большой суповый заговор», «Серафина и великое колдовство» и «Серафина, поколдуй!».

Сабине Вильхарм родилась в 1954 г., получила профессию иллюстратора в Высшей школе искусств в Гамбурге и с 1976 г. работает в журналах и издательствах. Для издательства «Фишер. Остров сокровищ» она иллюстрировала, в частности, книгу Луиса Сепульведа «Как кот Цорбас учил маленькую чайку летать».

шаги
schritte

швейцария
австрия
германия
современная
литература

2 000001 212158